

Э. Л. Сидоренко¹

¹ *Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России, г. Москва, Россия*

Китайская инициатива Цифрового шелкового пути: направления и перспективы развития, преимущества и риски для России

Сидоренко Элина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России; Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека
E-mail: 12011979@list.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4741-0184>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-9046-2015>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3744-0382

Аннотация

Цель: анализ китайской инициативы Цифрового шелкового пути (Digital Silk Road – DSR) как одного из ключевых элементов стратегии КНР в рамках проекта «Один пояс, один путь». Работа направлена на выявление и систематизацию основных направлений реализации программы DSR в контексте их влияния на глобальную цифровую трансформацию, а также на анализ перспектив сотрудничества России и Китая в приложении к экономическим и геополитическим ориентирам Российской Федерации.

Методы: в качестве общенаучных методов познания были использованы анализ, синтез, индуктивно-дедуктивный и структурно-функциональный методы, системный и сравнительный анализы.

Результаты: выявлены основные направления, инструменты и технологии реализации инициативы Цифрового шелкового пути, установлены и проанализированы основные политические (геополитические) подходы к DSR; оценен геополитический ландшафт реализации этой инициативы с учетом позиции технологических конкурентов и стран – партнеров инициативы; оценены риски долговой зависимости стран и разработаны сценарии развития DSR, выявлено влияние проектов DSR на экономическое и геополитическое позиционирование России в глобальном цифровом пространстве.

Научная новизна: предложено рассматривать DSR как одно из ключевых направлений развития цифрового многополярного мира, как многоаспектный проект, сочетающий экономические, технологические и геополитические цели Китая. Кроме того, в работе использованы новейшие данные об инвестиционной активности Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Африке и Южной Америке, применены и осмыслены современные экономические и геополитические теории для анализа DSR; предложены сценарии развития проекта в условиях глобальной технологической конкуренции.

Практическая значимость: анализ основных направлений и географии реализации проекта позволяет системно подойти к построению экономических и геополитических прогнозов в части развития отдельных цифровых технологий и проектов, может стать основой для разработки рекомендаций по оптимизации стратегии сотрудничества с Китаем в рамках DSR и по созданию механизмов и инструментов регулирования цифровых инициатив (стандартов кибербезопасности, цифровых арбитражей и др.), послужить важным информационным материалом для оценки возможностей сотрудничества российских компаний с китайскими корпорациями в рамках проекта DSR.

Ключевые слова:

Цифровой шелковый путь (DSR), «Один пояс, один путь», 5G, искусственный интеллект, цифровые платформы, экономическая конкуренция, цифровые сервисы, геополитика, инвестиции

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Сидоренко, Э. Л. (2025). Китайская инициатива Цифрового шелкового пути: направления и перспективы развития, преимущества и риски для России. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(1), 57–79. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.57-79>

Scientific article

E. L. Sidorenko¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia*

China's Digital Silk Road initiative: directions and prospects of development, advantages and risks for Russia

Elina L. Sidorenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs; Council under the President of the Russian Federation for the development of civil society and human rights
E-mail: 12011979@list.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4741-0184>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-9046-2015>
eLIBRARY ID: SPIN-code: 3744-0382

Abstract

Objective: to analyze China's Digital Silk Road Initiative (DSR) as one of the key elements of the PRC's strategy within the "One Belt, One Road" project; to identify and systematize the main directions of the DSR program and its impact on global digital transformation; to analyze the prospects for cooperation between Russia and China in relation to the economic and geopolitical goals of the Russian Federation.

Methods: general scientific methods of cognition were used, such as analysis, synthesis, inductive-deductive and structural-functional methods, systematic and comparative analyses.

Results: the main directions, tools and technologies of the Digital Silk Road Initiative were identified. The main political (geopolitical) approaches to DSR were identified and analyzed. The research assesses the geopolitical landscape of the Initiative implementation, taking into account the position of its technological competitors and partner countries. The author assesses the risks of debt dependence of countries and develops the DSR scenarios. The work reveals the DSR impact on the economic and geopolitical positioning of Russia in the global digital space.

Scientific novelty: the author proposes to consider DSR as one of the key directions for the digital multipolar world development, as a multidimensional project uniting the economic, technological and geopolitical goals of China. In addition, the paper uses the latest data on China's investment activity in the Asia-Pacific region, Africa and South America, applies and comprehends modern economic and geopolitical theories for DSR analysis. Project development scenarios are proposed in the context of global technological competition.

Practical significance: the analysis of the main DSR directions and geography allows a systematic approach to building economic and geopolitical forecasts regarding the development of certain digital technologies and projects. It may help to develop recommendations on optimizing the cooperation strategy with China within the DSR and on creating mechanisms and tools for regulating digital initiatives (cybersecurity standards, digital arbitrations, etc.). It provides important information for evaluating the possibilities of cooperation between Russian and Chinese corporations within the DSR project.

Keywords:

Digital Silk Road (DSR), Belt and Road Initiative, digital services, 5G, artificial intelligence, digital platforms, economic competition, geopolitics, investments

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Sidorenko, E. L. (2025). China's Digital Silk Road initiative: directions and prospects of development, advantages and risks for Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(1), 57–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.57-79>

Введение

В настоящее время цифровая трансформация воспринимается не только как направление экономического развития, но и как важный фактор геополитической конкуренции.

Цифровой шелковый путь (*Digital Silk Road, DSR*), развиваемый в рамках масштабного проекта «Один пояс, один путь» (*Belt and Road Initiative, BRI*), стал публичной ставкой Китая в геополитическом противостоянии с Западом, особенно в контексте технологической холодной войны между США и КНР.

С момента запуска цифровой инициативы Китай вложил более десятка миллиардов долларов США в цифровую инфраструктуру стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Южной Америки и Средней Азии, включая строительство оптоволоконных кабелей, спутниковых систем и центров обработки данных.

Китай избрал отличный от Запада подход к продвижению своих технологических инициатив. Как следствие, на современной цифровой карте мира представлены две полярные (китайская и американская) стратегии геополитического лидерства, каждая из которых ориентирована на формирование максимально широкого потребительского рынка и снижения влияния конкурента.

С геополитической точки зрения DSR является публичной ставкой Китая на мировое технологическое лидерство. Но ее реализация ожидаемо сталкивается с серьезным сопротивлением со стороны Запада. В информационном пространстве намеренно развивается риторика сопротивления китайским технологиям под эгидой обеспечения национальной кибербезопасности, сохранения технологического суверенитета и минимизации рисков долговой зависимости.

Так, например, в январе 2025 г. президент США Дональд Трамп пригрозил потребовать возврата Панамского канала Соединенным Штатам, если Панама не прекратит участие в китайской программе «Один пояс, один путь», частью которого является и Цифровой шелковый путь. После визита в страну госсекретаря США Марко Рубио президент Панама Хосе Рауль Мулино публично заявил о прекращении своего участия в инициативах КНР¹. Данный факт является лишним свидетельством того, что экономическая и цифровая конкуренция между США и Китаем не только не утихает, но и с каждым днем нарастает, приобретая новые геополитические, экономические и даже идеологические очертания.

В целях глубокого системного понимания проблемы и поиска оптимальных направлений дальнейшего цифрового развития важно иметь системные представления о том, что такое китайская инициатива Цифрового шелкового пути, какие цели преследует и в каком направлении развивается.

Актуальным является и вопрос о том, какова роль России в реализации DSR. Потребность в глубоком осмыслении этого вопроса объясняется стратегически важным географическим положением страны. Связывая Европу и Азию, Россия становится ключевым транзитным узлом для цифровых потоков данных. Кроме того, в условиях санкционного давления Запада Российская Федерация активно ищет альтернативные пути развития цифровой экономики, и сотрудничество с Китаем в рамках DSR становится одним из возможных направлений национальной цифровой стратегии.

Особенно важным такое сотрудничество видится в части развития экономики данных (мировой объем данных составляет около 175 зеттабайт²), развитие технологий 5G и искусственного интеллекта. Для России участие в DSR сопряжено как с возможностями, так и с рисками. С одной стороны, такое сотрудничество открывает доступ к китайским технологиям и инвестициям, которые могут ускорить цифровизацию российской

¹ Трамп вернул контроль над Панамским каналом за одну ночь. Как ему это удалось? (2025, 3 февраля). Lenta.ru. <https://lenta.ru/news/2025/02/03/tramp-vernul-kontrol-nad-panamskim-kanalom-za-odnu-noch-kak-emu-eto-udalos/>

² IDC: объем данных в мире к 2025 году достигнет 175 Збайт. (2018, 5 декабря). Открытые системы. <https://cio.osp.ru/news/051218-IDC-obem-dannyh-v-mire-k-2025-godu-dostignet-175-Zbayt?ysclid=m6y0shslh419396326>

экономики. С другой – может поставить под сомнение цифровой суверенитет страны и снизить конкурентоспособность собственных цифровых решений.

Цель данной статьи — провести комплексный анализ китайской инициативы Цифрового шелкового пути (DSR), выявить его устойчивые признаки и системные закономерности и обозначить возможные направления сотрудничества России и Китая в его реализации.

Основное отличие данного исследования от других работ, посвященных Цифровому шелковому пути, состоит в том, что автор намеренно не ограничивается оценкой экономики проекта, а предлагает его комплексную оценку на основе изучения классических и современных геополитических и экономических теорий.

Результаты исследования

Цифровой шелковый путь: концептуальные ориентиры и новые акценты (библиографический обзор)

Цифровой шелковый путь представляет собой современную интерпретацию древнего торгового маршрута, адаптированного к условиям цифровой эпохи. Современные ученые стремятся осмыслить его экономические и геополитические эффекты, прибегая к различным концепциям и теориям.

Проблема, однако, заключается в том, что в силу разнообразия используемых Китаем инструментов и глобального влияния *DSR* на экономическое, политическое и социальное положение стран-участниц подчас сложно объяснить природу и направленность этой цифровой инициативы и соотнести ее с экономическими и геополитическими приоритетами акторов мировой политики. Новизна и сложность рассматриваемого феномена вынуждает исследователей углубляться в частные аспекты проблемы, оставляя без внимания сам феномен глобального управления через трансфер технологий.

Как следствие, формируется мозаичное (фрагментарное) понимание геополитического содержания *DSR*, состоящее из следующих важных теоретико-методологических блоков:

- изучение феномена слияния публичных функций государства и частных интересов крупных технологических компаний;
- объяснение экономических и геополитических задач китайской технологической инициативы;
- рассмотрение природы и построение прогнозов развития цифровой конкуренции КНР и Соединенных Штатов.

Рассматривая феномен слияния интересов государств и крупных технологических компаний, ученые по-разному рассматривают легитимность такого взаимодействия и статус его участников. В частности, одни специалисты видят в китайских цифровых гигантах полноправных участников международной политики (Зайцев, 2022), другие допускают конгломерат власти и бизнеса только в рамках обеспечения международной информационной безопасности (Федоров, Зиновьева, 2017), третьи – усматривают в таком слиянии новое политическое образование – технологическую систему (Куликова, 2016). В современных геополитических исследованиях китайская цифровая инициатива рассматривается также и как китайская стратегия в цифровой войне с США (Дегтерев и др., 2023), и как неизбежное условие формирования единой мировой цифровой повестки (Выходец, 2022; Данилин, 2020; Виноградов и др., 2019).

Наиболее важным и трудным вопросом в осмыслении экономической и геополитической основы Цифрового шелкового пути является то, что Китай в качестве основных акторов технологических изменений рассматривает не государство, а технологические компании, что выводит на первый план проблему слияния публичных интересов власти и частных интересов крупных корпораций и вызывает к жизни новый, ранее не изученный феномен «опубличенного» частного интереса.

К сожалению, ни отечественная, ни зарубежная наука пока не приблизились к разработке формулы идеального сочетания публичных и частных начал в технологической корпорации как акторе международной политики.

Рост геополитического влияния крупных цифровых компаний политологи объясняют несколькими обстоятельствами: концентрацией капитала и компетенций у цифровых гигантов, их большими политическими и экономическими амбициями; невозможностью реализации глобальных цифровых проектов только за счет ресурсов государства без привлечения частного бизнеса; увеличением давления и контроля над сотрудниками цифровых корпораций и др. (Томин, 2019).

Интересное объяснение феномену сращивания интересов государств и технологического бизнеса дает теория диффузии технологий К. Краузе. Она позволяет рассматривать его как геополитическую биполярность, которая, в свою очередь, является ключевым механизмом трансфера технологий (Krause, 1995). Сторонники теории выделяют четыре группы государств в зависимости от их отношения к технологиям: рассматривающие глобальную цифровую трансформацию как инструмент геополитического влияния, представляющие на рынок частные цифровые решения, копирующие технологии и импортирующие технологии. Геополитический вес могут иметь цифровые компании стран первого типа (и именно к этой группе относится Китай). В то же время исследователи отмечают, что именно в первой группе конфликт между публичными и частными интересами будет только усиливаться, что и повлияет впоследствии на темпы развития китайской цифровой инициативы (Сидоренко, 2024).

Современная политическая экономика определяет роль технологических компаний, исходя из стратегии их использования государствами. Выделяются следующие четыре модели: использование корпораций как инструмента внешней политики; как площадки предложений; как инициатора законодательных стратегий и как инструмента медиастратегии (Темирбулатов, 2013). В этой связи сама программа *DSR* оценивается как уникальная модель, основанная на сочетании четырех известных стратегий, что придает ей запас прочности, но одновременно расширяет возможности для атак геополитических конкурентов. Неслучайно в риторике США используется комплекс различных по содержанию установок: от призывов спасти национальную экономику от долговых обязательств до угроз изменения политического режима в странах – участницах проекта *DSR*.

В рамках частных концепций «корпорации – государства» (иначе теорий гибридных форм управления) главную роль в определении политического и экономического курса страны может играть только государство (Хомский, 2002). Основываясь на этом утверждении, сторонники гибридных теорий указывают на недолговечность союза КНР с цифровыми компаниями и рассматривают два возможных сценария развития Цифрового шелкового пути: фрагментация активности и постепенное затухание инициативы либо усиление роли публичной власти и подавления самостоятельности китайских компаний за рубежом (Срничек, 2019).

М. Фуко иначе объясняет феномен слияния власти и компаний. В рамках его теории цифровые компании начинают обладать реальной политической властью из-за наличия у них знаний, заключенных в повседневных дискурсивных практиках, и способностью действовать анонимно и деиндивидуализированно (Кравченко, 2024). Близкое по содержанию объяснение дается Ш. Зубоффом в его работе «Эпоха надзорного капитализма» (Zuboff, 2019), который связывает политическую власть корпораций со средоточием в их руках информации. По мнению авторов, кооперация власти и корпораций в рамках реализации глобальной цифровой инициативы не сможет быть долгой: корпорации захотят публичной власти внутри страны и в качестве инструмента будут рассматривать большие данные. Итог грядущего противостояния публичной власти и компаний зависит от того, насколько стороны будут готовы договариваться и наращивать недостающие мощности (государство – медиаэффекты, а компании – потенциал международного влияния и суверенитет в международной договорной практике) (Rahman & Thelen, 2019).

Не менее остро в современной доктрине развивается дискурс о геополитических и экономических ориентирах китайской цифровой инициативы. Чаще всего Цифровой шелковый путь рассматривается как используемый Китаем инструмент «мягкой силы» в рамках концепции Дж. Ная. Создатель этой теории видит в ней функцию влияния на другие страны (корпорации, регионы) посредством взаимодействия в области формирования геополитической программы и привлечения симпатий для достижения желаемых результатов (Нуе, 2010). Именно этой теории чаще всего придерживаются китайские ученые, отмечая, что *DSR* продвигает китайские технологии и стандарты прежде всего для усиления привлекательности Китая (Huadong et al., 2018). Категорически отказываясь от рассмотрения китайской инициативы через отрицание «жесткой силы», сторонники этой теории обоснованно отмечают, что эффекты от мягких мер в среднесрочной и долгосрочной перспективах оказываются более стабильными и масштабными по сравнению с применением силы. Авторы отмечают, мягкая сила Цифрового шелкового пути будет иметь более надежный и рассеянный характер, поскольку может проявляться в появлении массовых установок. Главным при этом является выбор объекта воздействия. Им должно быть не что-то конкретное, а социальная жизнь в целом, включая пользовательский путь потребителей цифровых услуг.

Феномен Цифрового шелкового пути чаще всего объясняется и в рамках теории геополитики технологий (*Techno-Geopolitics*).

А. Ньюмен и Х. Фаррелл (Farrell & Newman, 2019), а вслед за ними и китайские политологи (Cheng, 2022) рассматривают контроль над 5G, ИИ и большими данными как основу технологического доминирования Китая в рамках новых – цифровых – форматов обеспечения мирового господства.

Теория многополярного мира Барри Бузана (Buzan, 2004) объясняет *DSR* как инструмент создания альтернативного Западу технологического блока, открытого для других стран. Поддерживающие эту теорию китайские исследователи (Yang & Yan, 2019) указывают на то, что именно цифровая инициатива Китая является тем инструментом, который не только поможет в конкуренции с США, но и на десятилетия вперед обеспечит лидерство КНР в рамках межгосударственных объединений и союзов под девизом того, что *DSR* станет двигателем цифрового общества нового поколения (Duarte et al., 2022).

Сторонники концепции экономической взаимозависимости (Rosecrance, 1986) видят в инициативах Китая долгосрочную программу по созданию сетей обмена информацией, являющихся способом удержания геополитического влияния Китая. По их мнению, именно глобальные сети и инвестиции в цифровую инфраструктуру являются самыми эффективными механизмами Цифрового шелкового пути.

Теории «центр – периферия» И. Валлерстайна³, структурной экономики Р. Пребиша (Vernengo & Caldentey, 2016) и сетевого управления (Slaughter, 2009) нашли новое прочтение в процессе объяснения целей *DSR*: в ее рамках Китай рассматривается как новый «центр, интегрирующий полупериферийные и периферийные страны через цифровизацию» (например, проекты в Центральной Азии). Но при этом такое влияние, по мнению исследователей, с неизбежностью приведет к неравенству в глобальных цепочках создания стоимости, экономическому дисбалансу «центр – периферия», глокализации и цифровому колониализму.

Немалое внимание в современной науке уделяется и цифровому противостоянию Китая и США. Западные ученые, как правило, акцентируют внимание на колониальных амбициях Китая, приписывая ему цели технологического господства над всеми развивающимися странами (Creemers, 2021). Один из главных источников беспокойства, по их мнению, – это возможное использование *DSR* для экспорта китайской модели цифрового авторитаризма, включая технологии массового наблюдения. Компании *Huawei*, *HikVision* и *Dahua* активно продвигают такие решения, что вызывает опасения по поводу нарушения прав человека и приватности данных.

Небезынтересным является объяснение сотрудничества Китая с ЕАЭС в рамках обоснования важности победы в противостоянии с США. По мнению сторонников евразийского подхода, Китай позиционирует себя как лидера в цифровой трансформации, укрепляя свое влияние через экспорт технологий и создание инфраструктуры в странах ЕАЭС и тем самым закрывая регион для трансфера американской продукции (Sahakyan, 2022). При этом акцент делается на «киберсуверенитет» отдельных стран и региона в целом.

Рассматривая противостояние двух стран, сторонники теории экспорта цифровой инфраструктуры видят основное различие в идеологических установках противников: Китай продвигает концепцию «цифрового суверенитета», а Запад защищает идею «открытого Интернета» (Streinz, 2021).

Китайские исследователи, как правило, видят в инициативе Цифрового шелкового пути цели развития широкополосного Интернета в регионах с недостаточно развитой цифровой инфраструктурой или ее полным отсутствием, а равно модернизации существующих интернет-соединений для достижения более высокой пропускной способности в регионах инициативы *BRI*. *DSR* служит напоминанием о необходимости учета интересов развивающихся стран в процессе цифровой трансформации мировой экономики и интеграции их в глобальные торговые сети (Peng, 2021).

Приведенные выше точки зрения со всей наглядностью указывают на то, что инициатива Цифрового шелкового пути находится в эпицентре важных для современной экономики и геополитики вопросов, одновременно аккумулируя в себе широкий перечень разноплановых геополитических дискурсов, установок и нарративов.

³ Wallerstein, I. (2011). The modern world-system IV: Centrist liberalism triumphant, 1789–1914. https://www.researchgate.net/publication/285928973_The_modern_world-system_IV_Centrist_liberalism_triumphant_1789-1914

Цифровой шелковый путь: общие положения и устойчивые признаки

В 2015 г. в документах Государственного комитета по развитию и реформе Китая анонсировал запуск программы Информационного шелкового пути с акцентом на строительство оптических сетей и коммуникационной инфраструктуры⁴. Позднее он эволюционировал в Цифровой шелковый путь, включающий такие аспекты, как искусственный интеллект, большие данные, умные города и кибербезопасность.

Официально Китай запустил ее в 2017 г. как отдельный компонент инициативы «Один пояс, один путь». Проект был представлен в виде односторонней инициативы КНР, направленной на предоставление помощи отдельным государствам и системную поддержку китайских экспортеров, в первую очередь крупных технологических компаний.

По мнению ряда исследователей, в основу принятия и развития проекта был заложен комплекс факторов:

- *Push*-фактор: стремительное развитие цифровой экономики Китая, составляющей почти половину ВВП страны;

- *Pull*-фактор: восприятие Китаем «цифрового разрыва» в развивающихся странах, который сдерживает их экономический рост. *DSR* продвигается как способ устранения этой проблемы через передачу технологий и развитие инфраструктуры;

- продвижение «китайского решения» – концепции «киберсуверенитета», подразумевающей право каждой страны выбирать собственный путь управления Интернетом, ибо использование технологий зависит от местных политических условий, а не от его глобальной стратегии (Wang Zheng, 2024).

Китай заявил о готовности улучшать телекоммуникационные сети государств, расширять возможности применения искусственного интеллекта, облачных вычислений, электронной коммерции и мобильных платежных систем, технологий наблюдения, умных городов и др.

Особенность программы *DSR* заключается в ее представлении относительно самостоятельным направлением китайской национальной стратегии как части международной активности (Gong & Li, 2019) и как стратегически значимый для Китая и государств – участников проекта «Один пояс, один путь».

В отличие от своего первоначального фокуса на физическую инфраструктуру, теперь *DSR* акцентирует внимание на создании цифровой инфраструктуры, такой как искусственный интеллект, центры обработки данных и интернет вещей. Концепция «Цифрового шелкового пути» поддерживает участие в зарубежных проектах китайских цифровых компаний, таких как *Alibaba*, *Tencent*, *Baidu* и др. Усиление технологической конкуренции на международной арене и рост напряженности между США и Китаем не только не снизили темпы реализации этой инициативы, а, напротив, заметно ускорили их (Jing Cheng & Zeng Jinghan, 2024).

По данным отчета *Huaxin Institute* за 2022 г., на фоне развития инициативы *DSR* масштаб цифровой экономики Китая достиг 45,5 трлн юаней (6,37 трлн долларов), что составляет 49,8 % ВВП Китая при годовом приросте на 16,2 %⁵. К 2024 г. Китай подписал соглашения о сотрудничестве в области *DSR* или предоставил инвестиции, связанные с *DSR*, по меньшей мере, 16 странам. Но реальное число соглашений и инвестиций значительно больше. Неполный перечень проектов практического сотрудничества 3-го Форума по международному сотрудничеству «Один пояс, один путь» (Полный текст Приложения II) содержится на официальном сайте Китая⁶, и он говорит о широкой географии и масштабах внедрения цифровой инициативы.

По некоторым оценкам, треть стран, участвующих в инициативе «Один пояс, один путь» сотрудничают в рамках инициативы *DSR*. Например, Китай уже выделяет больше средств на информационно-коммуникационные технологии в Африке, чем все международные организации, работающие на континенте. В период с 2017 по 2022 г. китайские компании вложили около 23 млрд долл. в развитие цифровой инфраструктуры в 24 странах Индо-Тихоокеанского региона⁷.

Китай создал несколько механизмов и институтов для содействия инвестициям *DSR* в регионе, включая Инициативу по улучшению сотрудничества в области электронной коммерции между АСЕАН и Китаем

⁴ Vision And Actions On Jointly Building Silk Road Economic Belt And 21st-Century Maritime Silk Road. (2015, March 30). Belt and Road. <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/1084.html>

⁵ Russian.news.cn. <https://russian.news.cn/>

⁶ Правительство КНР. (2023, 18 октября). Список проектов практического сотрудничества Третьего форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь». https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6910130.htm

⁷ Silkroute News. (2025, 20 февраля). <https://silkroute.news/article/1173863>

(2023), План действий по реализации партнерства между АСЕАН и Китаем в области цифровой экономики (2021–2025) и Инициативу по партнерству в области цифровой экономики между АСЕАН и Китаем (2020).

Развитие контактов с АСЕАН под эгидой развития Цифрового шелкового пути позволяет КНР достойно конкурировать с США в Индо-Тихоокеанском регионе, а страны АСЕАН становятся плацдармом нового биполярного цифрового геополитического противостояния Китая и США (Чжиян Линь, 2022). Согласно официальным данным, объемы внешней торговли Китая со странами АСЕАН выросли за 1991–2020 гг. в 82 раза, а лишь за первую половину 2021 г. – на 48 %. Доля этого региона в структуре внешних инвестиций Китая составляет более 15 %. В настоящее время КНР является четвертым по объемам донором для государств АСЕАН (тройку лидеров образуют США, Япония и ЕС)⁸. Но при всех положительных моментах сотрудничества очевидно, что геополитическая риторика КНР не всегда находит поддержку в странах АСЕАН. Китай позиционирует себя как сосед с установками всеобъемлющего стратегического партнерства, в то время как Запад навязывает более понятную политическим элитам систему «альянсов безопасности»⁹ (Hoang Thi Ha, 2021).

Еще в 2017 г. США активно заявили о своих геополитических амбициях в АСЕАН. Д. Трамп предложил государствам концепцию Индо-Тихоокеанского региона (*A Free and Open Indo-Pacific*). Американская стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона нацелена на изоляцию КНР и конкуренцию с его региональными проектами, в том числе реализуемых в рамках Цифрового шелкового пути. Например, в качестве альтернативы DSR американцами предлагается рассматривать инициативу *Blue Dot Network*, которая подразумевает осуществление инфраструктурных проектов под патронатом США (Поздняков, 2020). Об усилении этой западной программы свидетельствует заявление о том, что в 2024–2025 гг. *Blue Dot Network* (BDN), первая глобальная система сертификации качественных инфраструктурных проектов, начнет сертификацию проектов и будет размещена в ОЭСР¹⁰.

По многим показателям технологического развития США заметно опережают Китай. На Соединенные Штаты приходится около 70 % от общей рыночной капитализации цифрового сектора в мире, тогда как показатель КНР составляет 22 %. При этом Китай отстает преимущественно в облачных вычислениях, где доминируют *Amazon*, *Microsoft* и *Google*¹¹. В ответ на активную политику США Пекин расширяет инструменты влияния в регионе за счет внедрения совместно с крупными технологическими компаниями долгосрочных образовательных курсов и программ. В частности, в 2021 г. *Huawei* запустила пятилетний курс цифровой грамотности для 100 тыс. государственных служащих и программу подготовки цифровых талантов для более чем 30 университетов в Индонезии¹².

Инициатива Цифрового шелкового пути направлена на достижение КНР важных геополитических целей обеспечения и сохранения технологического господства преимущественно в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Африке посредством использования следующих технологических и идеологических инструментов управления:

– внедрение в странах присутствия идеи создания единого механизма глобальной интеграции на принципах институциональной открытости, сотрудничества, взаимопомощи, взаимовыгодности, инклюзивности («сообщество единой судьбы»). Для этого обеспечивается финансирование не только инфраструктурных, но и образовательных и научных проектов;

– развитие своей геополитической стратегии на основе лозунга о недопустимости доминирования одной страны и одной валюты в условиях открытой цифровой экономики. Реализуя технологическую инициативу, основанную на демонстрации собственного опыта цифровой трансформации, Китай призывает страны к взаимовыгодному сотрудничеству и справедливому распределению полученных выгод;

⁸ Hanoi Plan of Action. (2012, June 19). ASEAN. <https://asean.org/hanoi-plan-of-action>

⁹ Hoang Thi Ha. (2021, November 24). The ASEAN-China Comprehensive Strategic Partnership: What's in a Name? Perspective (Singapore), 157. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2021/10/ISEAS_Perspective_2021_157.pdf

¹⁰ OECD. (2024, April 9). The Blue Dot Network begins global certification framework for quality infrastructure, hosted by the OECD. <https://www.oecd.org/en/about/news/press-releases/2024/04/the-blue-dot-network-begins-global-certification-framework-for-quality-infrastructure-hosted-by-the-oecd.html>

¹¹ Hillman, J. E. (2021). *The Digital Silk Road: China's Quest to Wire the World and Win the Future*. Harper Business.

¹² Wang Zheng. (2024, January 5). China's Digital Silk Road (DSR) in Southeast Asia: Progress and Challenges. Perspective. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2024/01/ISEAS_Perspective_2024_1.pdf

– цифровая экспансия Китая в рамках *DSR*, которая строится на платформенной модели формирования бизнес-среды. Она ориентирована на устранение цифровых дисбалансов между секторами экономики и регионами Китая, а также на внедрение современных цифровых решений в соседних странах с использованием потенциала крупных высокотехнологических корпораций. В этом контексте Цифровой шелковый путь – это не столько сквозные технологии, сколько созданные на их основе бизнес-площадки, уже готовые для пилотирования государственных и частных проектов в странах-реципиентах;

– установление единых технологических стандартов, ориентированных на китайскую цифровую экономику и инфраструктуру. Эта работа активно ведется в части внедрения мобильных сетей *5G* и системы спутниковой навигации *BeiDou*;

– формирование норм киберуправления через развитие так называемой концепции киберсуверенитета с «китайской спецификой». Эта концепция предполагает строгий контроль над использованием Интернета и мониторинг поведения граждан. В ответ на данную стратегию США активно развивает собственную политику защиты прав человека в цифровой среде, распространяя нарратив о китайском цифровом авторитаризме (Ghiasi & Krishnamurthy, 2020);

– инициатива *DSR*, открывающая для многих стран широкие возможности роста цифровой экономики, но в то же время это повышает зависимость от китайских технологий и инвестиций. Для многих африканских и ближневосточных стран альтернативы китайской технологической инициативы отсутствуют (Дейч, 2018). Достаточно упомянуть, что именно при поддержке Китая Мадагаскар превращается в важный транспортный узел с цифровой логистикой. Партнерство КНР с Танзанией привело к модернизации железных дорог, строительству соответствующей инфраструктуры, а также развитию морских портов, в Республике Конго китайские компании развивают логистические и промышленные центры (Михайличенко, 2018).

На фоне роста дефицита инвестиций предоставление Китаем помощи в развитии цифровых проектов воспринимается с оптимизмом не только развивающимися странами Африки и Юго-Восточной Азии, но и Южной Америки.

В странах Южной Америки *DSR* развивается в следующих направлениях: сотрудничество в области спутниковых систем связи и запусков коммерческих спутников (совместная программа *CBERS* между Китаем и Бразилией (с 1988 г.), включающая запуск семи спутников), строительство базы в Аргентине (*Neuquén*), используемой для научных и гражданских целей; развитие *5G* (Уругвай заключил соглашение с *Huawei* по сотрудничеству в области *5G*, в Аргентине установлено несколько точек подключения *5G* на базе технологий *Huawei*); создание умных городов (реализация проектов по внедрению систем наблюдения, распознавания лиц и других датчиков, что, например, наблюдается в провинции Жужуй, Аргентина) (Duarte et al., 2022).

Китай реализует свои цифровые проекты не только в развивающихся странах, но и в технологически развитых государствах. В частности, заинтересованность в сотрудничестве с КНР в рамках *DSR* проявляет Южная Корея (Хуан Сочжу, 2022).

«Мягкая сила» Пекина проявляется в использовании меморандумов о взаимопонимании для укрепления связей с отдельными странами. Эти документы, не обладая юридической обязательной силой, фактически открывают путь китайским цифровым компаниям на национальные рынки, способствуя реализации совместных проектов. В результате заказчики становятся более зависимыми от китайской экономики и цифровой инфраструктуры.

По прогнозам, «к 2040 г. мировой дефицит финансирования инфраструктуры достигнет почти 15 трлн долларов. Инвестиции, связанные с *DSR*, могут компенсировать расходы на развитие стратегически важных проектов. Кроме того, цифровые технологические гиганты приносят дополнительные выгоды странам, создавая учебные центры и программы исследований и разработок в таких областях, как умные города, искусственный интеллект и робототехника, чистая энергия и др.¹⁵

В странах, находящихся в зоне общего влияния КНР и США, Пекин ведет более аккуратную политику из-за высокой конкуренции с Соединенными Штатами. Будучи заинтересованным в укреплении своего влияния в Индии и несмотря на активное участие Индии в развитии стратегического партнерства с США

¹⁵ Assessing China's Digital Silk Road Initiative. A Transformative Approach to Technology Financing or a Danger to Freedoms? (2020). Council on Foreign Relations. <https://www.cfr.org/china-digital-silk-road/>

в рамках четырехстороннего диалога по безопасности *QUAD*, Пекин тем не менее инвестирует в индийские технологические стартапы и старается через новых участников рынка укрепить свои технологические позиции в регионе¹⁴.

Многие страны Южной Азии и Европы уже интегрированы в китайскую цифровую экономику через использование китайских технологий и инвестиций. В Европе китайские технологии *5G* уже получили широкое распространение. Пекин заинтересован в расширении зоны влияния своих цифровых гигантов (*Huawei*, *ZTE* и др.), но при этом озабочен ростом их экономического и технологического влияния и обоснованно опасается того, что корпорации могут злоупотребить своим влиянием и пренебречь национальными интересами. Понимая эти опасения, США, с одной стороны, ведут жесткую политику в части ограничения использования китайских технологий, а с другой – начинают взаимодействовать с китайскими цифровыми гигантами, прибегая либо к площадкам международных организаций формата *B2B*, либо к помощи западных технологических компаний.

Цифровой шелковый путь: современная экосистема и векторы развития

Экосистема Цифрового шелкового пути опирается на три ключевых элемента: достижения Китая в рамках «Индустрии 4.0», стратегические цели китайских технологических корпораций и общие принципы инициативы «Один пояс, один путь». Эти компоненты формируют основу для распространения влияния КНР в глобальной цифровой экономике, предоставляя китайским компаниям значительную свободу в реализации проектов в странах-реципиентах.

Технологические компании (*Hengtong*, *HMN Technologies*, *Hikvision*, *Dahua*, *Unicom*, *China Mobile* и *Huawei*) принимают активное участие в строительстве подводных кабелей; развитии сетей *4G/5G*; в установке камер видеонаблюдения; развитии ИИ и машинного обучения, интернета вещей, интернет-протоколов и др. В частности, КНР разрабатывает и внедряет новые стандарты интернет-протоколов, что способствует увеличению ее международного влияния и доходов от патентных лицензий. Например, китайская компания *Huawei* владеет более 110 тыс. патентов, что в период с 2019 по 2021 г. позволило получить доход в размере 3 млрд долл. только от лицензионных отчислений¹⁵.

Торговые площадки вовлечены в создание единых стандартов электронной торговли и маркетплейсов. В тесном взаимодействии с площадками электронной торговли Пекин реализует проекты создания цифровых зон свободной торговли, намеренно занижая значимость западных стандартов международной электронной коммерции и внедряя собственные правила развития региональных логистических центров. Транспортно-логистические компании занимаются разработкой цифровых транспортных коридоров, отслеживанием товаров на базах единой платформы, развитием электронного документооборота и др. Банк Китая совместно с крупными платежными системами и маркетплейсами внедряет собственные модели расчетов и ведения электронного бизнеса.

Можно выделить несколько ключевых направлений реализации инициативы Цифрового шелкового пути.

Проекты по прокладке подводных кабелей

По состоянию на июнь 2024 г. в рамках реализации китайской инициативы *DSR* было создано более 1,17 млрд портов широкополосного доступа и 67,12 млн км оптоволоконных кабелей, а совокупный объем мобильного интернет-трафика достиг 160,4 млрд гигабайт¹⁶.

В настоящее время КНР реализует ряд масштабных проектов в сфере создания необходимой интернет-инфраструктуры в различных регионах: Европе, Африке, Южной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе. В частности, в кооперации с европейскими странами запущен проект *EMA* по проведению оптоволоконного

¹⁴ Chan Jia Hao, & Deepakshi Rawat. (2018, November 29). India Struggles to Compete With China's Digital Silk Road. The Diplomat. <https://thediplomat.com/2018/11/india-struggles-to-compete-with-chinas-digital-silk-road/>

¹⁵ Patil S., & Gupta P. (2024, January). The Digital Silk Road in the Indo-Pacific: Mapping China's Vision for Global Tech Expansion. Observer Research Foundation. <https://www.orfonline.org/public/uploads/posts/pdf/20240103105252.pdf>

¹⁶ Chang Jian. (2024, November 11). China achieves steady progress in human rights. People's Daily Online. <http://en.people.cn/n3/2024/1111/c90000-20239802.html>

кабеля из Азии в Европу¹⁷. ЕМА должен соединить оптоволоконным кабелем Гонконг с Францией через Ближний Восток. Конкурентом Китая является американский проект *SeaMeWe-6*, который прокладывается практически по идентичному маршруту.

При поддержке китайского правительства *HMN Technologies* реализовала 16 проектов подводных кабелей на сумму 1,6 млрд долларов в 27 странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Одним из самых значимых проектов в этой сфере является программа *PEACE* по прокладке кабеля, соединяющего Пакистан и Францию через Европу, Африку и Азию.

Телекоммуникационная компания *FiberHome International Technologies* подписала соглашение с кенийской компанией *CP Cables* о расширении поставок высокоскоростных интернет-продуктов на рынке Восточной Африки. В рамках соглашения *CP Cables* станет основным дистрибьютором оптоволоконной продукции Китая в Кении и Уганде¹⁸.

В рамках Национального проекта по созданию магистральной инфраструктуры Уганды компанией *Huawei* проложено более 3000 километров оптоволоконного кабеля¹⁹. Кроме того, *Huawei* проложил более 8000 километров оптоволоконного кабеля в тропических лесах Амазонки в Бразилии, что заметно расширило влияние китайских технологий в Южной Америке²⁰.

Успех этих и подобных проектов предопределен тем, что около 50 % международного рынка оборудования для оптоволоконной связи приходится на долю Китая. Маршрутизаторы и коммутаторы китайского производства занимают 20 % международного рынка. К 2025 г. китайское волоконно-оптическое оборудование связи должно занять 60 % международного рынка, а маршрутизаторы и коммутаторы – 25 %.

В 2024 г. Китай заметно нарастил свои конкурентные преимущества за счет запуска высокотехнологичных и трудоемких проектов. В частности, заявлено о создании технологии, позволяющей прокладывать подводные оптические кабели в самой глубокой подводной точке – в Бездне Челленджера, расположенной в Тихом океане в Марианской впадине²¹.

Даляньский морской университет совместно с рядом китайских машиностроительных и научно-технических компаний разработал механизм для прокладки подводных кабелей *Haiwei GD11000*. Безопасная рабочая нагрузка данной системы превышает 15 тонн, а ее скорость достигает 120 метров в минуту. *SCMP* сообщила, что *Haiwei GD11000* провела две операции на глубине более четырех километров в Южно-Китайском море²².

Развитие сети 5G

КНР активно наращивает темпы развития 5G как на внутреннем, так и на внешнем рынках. По данным на август 2024 г., доля базовых станций 5G в общем количестве базовых станций мобильной связи в Китае составляет 32,1 %. При этом в стране насчитывается более 4,04 млн базовых станций 5G и 966 млн абонентов мобильной связи 5G²³.

На долю Китая приходится более 42 % мировых заявок на патенты в области стандартов 5G. Коммерциализация сетей связи пятого поколения стимулировала рост общего объема экономического производства

¹⁷ Reuters узнал о планах Китая вложить \$500 млн в проект-конкурента США. (2023, 7 апреля). РБК. <https://www.rbc.ru/politics/07/04/2023/642f4d3d9a79477c76c028b0>

¹⁸ Chinese firm inks deal to boost supply of internet products in East Africa. (2023, November 30). People's Daily Online. <http://en.people.cn/n3/2023/1130/c90000-20104290.html>

¹⁹ Uganda, Huawei host annual job fair to promote employment in ICT sector. (2024, November 22). People's Daily Online. <http://en.people.cn/n3/2024/1122/c90000-20245709.html>

²⁰ China, Brazil see prosperous cooperation in emerging fields. (2024, November 18). People's Daily Online. <http://en.people.cn/n3/2024/1118/c90000-20243628.html>

²¹ Китай создал систему, способную проложить самый глубокий подводный кабель – газета SCMP. (2024, 25 ноября). МФД-ИнфоЦентр. <https://mfd.ru/news/view?id=2664670>

²² Там же.

²³ В Китае насчитывается более 4 млн базовых станций 5G (2024, 4 октября). Russian.News.Cn. <https://russian.news.cn/20241004/454a5bbb8398471880649b7227b430b2/c.html>

в Китае на сумму около 5,6 трлн юаней (787,53 млрд долларов) за последние пять лет. Кроме того, связь 5G косвенно способствовала росту экономического производства на 14 трлн юаней²⁴.

По прогнозу ассоциации GSMA, к концу 2024 г. более половины китайских мобильных подключений будут приходиться на сети связи пятого поколения. К концу 2025 г. в Китае будет почти 1,3 млрд подключений к сетям 5G, т. е. более 70 % от общего объема мобильного рынка²⁵. Корпорации *Huawei* и *ZTE* имеют доли 29 и 11 % соответственно в мировых доходах от 5G. *Huawei* работает в 170 странах, обеспечивая 70 % сети 4G в Африке, а спутниковая система *Beidou* покрывает больше мировых столиц, чем американская *GPS*.

Китайские компании *Hikvision* и *Dahua* производят почти 40 % мировых камер видеонаблюдения²⁶.

В рамках реализации инициативы Цифрового шелкового пути КНР активно расширяет свое технологическое присутствие в странах Африки и Азии, с одной стороны, обеспечивая государства устойчивым интернет-соединением, а с другой – внедряя собственные стандарты обмена данными. Так, в Саудовской Аравии были запущены крупные совместные проекты (промышленный кластер в «экономическом городе» Джазан, проект по развитию инфраструктуры Красного моря, связь 5G и совместные исследования Луны)²⁷. В 2024 г. *China Telecom*, один из трех телекоммуникационных гигантов Китая, совместно с властями Саудовской Аравии запустил глобальный проект по комплексному внедрению китайских технологий 5G, облачных вычислений и искусственного интеллекта для предоставления коммуникационных продуктов и услуг предприятиям, учреждениям и потребителям Саудовской Аравии²⁸. В настоящее время *China Telecom* имеет филиалы в 42 странах и регионах, охваченных китайской инициативой Цифрового шелкового пути.

Интенсивно растет влияние Китая и на Африканском континенте. Под лозунгами преодоления цифрового разрыва между странами и поиска новых направлений технологического сотрудничества, в том числе через инновационное финансирование, КНР активно внедряет собственные технологические программы. Так, согласно отчету Глобальной системы мобильной связи, к 2030 г. как минимум 88 % африканцев будут владеть смартфонами, использование услуг 4G достигнет 50 %, а 5G – 17 %²⁹.

Китайские компании оказали помощь африканским странам в строительстве и модернизации магистральной сети связи протяженностью 150 000 км, которая помогает обеспечить доступ в Интернет почти 700 млн пользователей. Между тем китайские компании также создали мобильные платежные платформы, обслуживающие десятки миллионов африканцев, говорится в Белой книге «Китай и Африка в новую эпоху: партнерство равных»³⁰. Кроме того, благодаря сотрудничеству с китайскими предприятиями Габон стал первой страной в Центральной Африке, где была протестирована технология 5G.

Инфраструктурные проекты по продвижению сетей 5G внедряются и в Юго-Восточной Азии. В конце 2021 г. *Huawei Technologies* в Таиланде запустила проект «Умная больница 5G»³¹. Таким образом был положен старт для продвижения Китаем нового проекта в рамках DSR – сетей 5G в здравоохранении. В этом направлении Китай пока заметно уступает США. Ключевыми игроками на данном рынке являются: *AT&T*, *Verizon*, *Ericsson*, *T-Mobile USA, Inc.*, *Cisco*. Именно на Северную Америку в 2024 г. приходится наибольшая доля рынка 5G в здравоохранении, но самым быстроразвивающимся считается Азиатско-Тихоокеанский

²⁴ Коммерциализация 5G стимулировала экономический рост в Китае на 5,6 трлн юаней. (2024, 7 июня). Russian.News.Cn. <https://russian.news.cn/20240607/b76b2c2b35f74451a7172eaa8a07d392/c.html>

²⁵ Bell, P. (2024, 6 февраля). China: The World's Biggest 5G Market. TeleGeography. <https://blog.telegeography.com/china-the-worlds-biggest-5g-market>

²⁶ Исследование: китайцы заполняют рынок видеонаблюдения, проигрывая западным компаниям только в качестве продукции. Dahua. <https://www.dahua-russia.com.ru/news/dahua-videosurveillance-news-1>

²⁷ Commentary: China, Arab states embark on new journey towards shared future. (2024, 10 сентября). People's Daily Online. <http://en.people.cn/n3/2024/0910/c90000-20217375.html>

²⁸ China Telecom launches Saudi subsidiary. (2024, 22 ноября). People's Daily Online. <http://en.people.cn/n3/2024/1122/c90000-20245722.html>

²⁹ The Mobile Economy Sub-Saharan Africa 2023. (2023). GSMA. <https://event-assets.gsma.com/pdf/20231017-GSMA-Mobile-Economy-Sub-Saharan-Africa-report.pdf>

³⁰ Digital trade expo further taps China-Africa cooperation potential. (2024, September 30). People's Daily Online. <http://en.people.cn/n3/2024/0930/c90000-20225399.html>

³¹ Анализ размера и доли рынка 5G в здравоохранении – тенденции роста и прогнозы (2024–2029 гг.) (2024). Mordor Intelligence. <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/5g-in-healthcare-market>

регион. Прогнозируется, что именно здесь 5G будет расти с самым высоким среднегодовым темпом в период с 2024 по 2029 г.³²

Следует обратить внимание и на иницилируемый *Huawei* в Индонезии интеллектуальный склад 5G. Этот склад имеет большую пропускную способность. Его сотрудники могут давать указания автоматизированным управляемым роботам, чтобы те доставляли товары в указанные места. Менеджеры склада также могут использовать цифровых двойников и анализ данных в режиме реального времени для оптимизации управления запасами и предотвращения их отсутствия на складе. Предполагается, что склад будет использоваться всеми логистическими отраслями в Индонезии³³.

Облачные технологии

Данное направление цифровой инициативы Китая развивается волнообразно под влиянием различного рода факторов. В связи с антиковидными ограничениями индустрия облачных технологий Китая в 2022 г. замедлила свой рост. Однако в 2023 г. рост вновь ускорился и по итогам 2024 г. составил 18 % годовых³⁴.

Уже сейчас доля китайских компаний на мировом рынке облачных решений превышает 18 %³⁵. 23 % китайского рынка облачных услуг пришлось на решения *PaaS* (платформа как сервис). Требования к облачным продуктам со стороны корпоративных клиентов и стран-реципиентов в рамках Цифрового шелкового пути стали более сложными, а акцент сместился с простого предоставления облачной инфраструктуры на предоставление всеобъемлющей облачной платформы с комплексными программными функциями. В этой части Китай вступает в жесткую конкуренцию с США, готовыми предоставить такие решения³⁶.

Предполагается, что к 2025 г. объем китайского рынка облачных вычислений превысит 1 трлн юаней (около 140 млрд долларов)³⁷. При этом Китай стремится закрепить свое преимущество на трех основных треках:

- развитие частных и гибридных облачных сервисов; к 2025 г. показатель использования частных облачных решений достигнет 42 % (в сравнении с 36 % использования публичного облака)³⁸;

- разработка адресных технологических решений, ориентированных на переход 32 % локальных ИТ-рабочих нагрузок в облака преимущественно в таких сферах, как туризм, транспорт и логистика. Это позволит привязать страны-реципиенты к цифровой инфраструктуре Китая на длительное время и внедрить единые стандарты облачных технологий;

- действуя через свои технологические компании, Китай ориентирован на работу с бизнесом в странах-реципиентах в рамках удовлетворения его интересов в быстрой масштабируемости проектов, повышении эффективности и безопасности ИТ-решений и сервисов. А поскольку Китай обеспечивает не только технологиями, но и соответствующими образовательными программами, его значимость на рынке технологий значительно возрастает. Ярким примером такой политики является внедрение китайских облачных технологий на рынке Латинской Америки, что значительно ускорило региональное цифровое развитие и поддержало местные технологические компании³⁹.

³² Там же.

³³ Компания Huawei создала первый в Индонезии интеллектуальный склад 5G. (2024, 9 марта). Портал «Пояс и Путь». <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/343078.html?cateName=Предприятия>

³⁴ Степанов, Н. (2024, 4 апреля). Облачные технологии Китая все еще выглядят привлекательно. Финанс. <https://www.finam.ru/publications/item/oblachnye-tehnologii-kitaya-vse-eshche-vyglyadyat-privlekatelno-20240404-1930/>

³⁵ Там же.

³⁶ Объем китайского рынка облачных вычислений к 2025 году превысит 1 трлн юаней. (2023, 27 июля). TV BRICS. <https://tvbrics.com/news/obem-kitayskogo-rynka-oblachnykh-vychisleniy-k-2025-godu-prevysit-1-trln-yuaney/>

³⁷ Там же.

³⁸ Облачные технологии в Китае: перспективы на 2025 год. ICT.Moscow. <https://ict.moscow/research/oblachnye-tehnologii-v-kitae-perspektivy-na-2025-god/?ysclid=m6xyohf00829070991>

³⁹ Full text: For a better world-- looking at the past decade of jointly pursuing the Belt and Road Initiative from a human rights perspective. (2023, December 8). People's Daily Online. <http://en.people.cn/n3/2023/1208/c90000-20107788.html>

Электронная коммерция

Электронная коммерция относится к числу активно развивающихся направлений технологической политики Китая и ориентирована преимущественно на развитие социальных сетей. В 2024 г. этот рынок составит около 20 трлн юаней, или около 3 трлн долларов⁴⁰.

Активно развивается трансграничная торговля в рамках реализации программы «Один пояс, один путь» и инициативы *DSR*. Только в первой половине 2024 г. объем трансграничной электронной коммерции в Китае составил 1,22 трлн юаней (около 170,95 млрд долларов), увеличившись на 10,5 % по сравнению с аналогичными показателями 2023 г.⁴¹ Этому способствовали политика Китая по созданию в странах-партнерах комплексных экспериментальных зон развития трансграничной электронной коммерции и упрощение таможенного оформления.

Более 80 % активных пользователей мобильных устройств регулярно заказывают товары и услуги через приложения и сайты китайских компаний. По состоянию на первый квартал 2024 г. число пользователей *WeChat* превысило 1,34 млрд человек в месяц. Ожидается, что к концу 2024 г. этот показатель достигнет 1,6 млрд⁴².

E-commerce в Китае в 2024 г. составил 50 % мирового рынка, в то время как ближайший конкурент – США – имеет долю 19–20 %. Доля Японии, Южной Кореи и Великобритании не превышает 3–4 %, России – 1–2 %⁴³. В топ четырех крупнейших китайских маркетплейсов входят: *Pinduoduo* (прирост аудитории на 59 % по сравнению с 2023 г.); *Douyin* (прирост объемов на 40 %); *WeChat* (транзакции в 13 валютах в 25 странах); *Taobao* (50 % рынка электронной коммерции в Китае).

Растет доля *B2B*-контактов. В 2024 г. трансграничная электронная коммерция *B2B* составила более трех четвертей трансграничного рынка⁴⁴.

Для продвижения своих электронных торговых площадок в рамках инициативы Цифрового шелкового пути китайское правительство и корпорации совместно реализуют комплекс политических и экономических мер:

- расширяют линейку экспорта товаров из стран Африки и Юго-Восточной Азии в Китай через внедрение в странах китайских торговых площадок⁴⁵;

- вводят практику бесплатной доставки. Например, *Taobao* (онлайн-площадка *Alibaba*) включила в свою глобальную зону бесплатной доставки 10 стран и регионов. К ним относятся Сингапур, Малайзия, Таиланд, Япония, Южная Корея, Вьетнам и Камбоджа. Как следствие, зарубежные клиенты значительно увеличили количество заказов на соответствующих платформах электронной коммерции. На торговой площадке *Tmall* от *Alibaba* почти 70 000 компаний увеличили объем трансграничных транзакций в два раза во время ноябрьского фестиваля покупок «Двойной 11» в 2024 г.⁴⁶;

- улучшают логистическую инфраструктуру. Так, компания *Cainiao* при поддержке правительства модернизировала свой общенациональный распределительный центр в Испании и открыла региональный распределительный центр во Франции, оба из которых начали работу до фестиваля шопинга «Двойной 11».

По данным Главного таможенного управления Китая, за первые три квартала 2024 г. объем трансграничного импорта и экспорта в сфере электронной коммерции достиг 1,88 трлн юаней, что на 11,5 % больше, чем в 2023 г.⁴⁷

⁴⁰ What Is The Future Of E-Commerce In China? \$3 Trillion by 2024. (2024, July 8). GMA. <https://ecommercechinaagency.com/what-is-the-future-of-e-commerce-in-china/>

⁴¹ Трансграничная электронная коммерция Китая продемонстрировала уверенный рост. (2024, 30 июля). Russian.News.cn. <https://russian.news.cn/20240730/4012c09cef814eeb844cc5d1424e62cb/c.html>

⁴² Лис, Н. (2024, 8 августа). Гид по электронной коммерции в Китае на 2024 год – состояние рынка, статистика и популярные маркетплейсы. Mates – агентство digital маркетинга. <https://mates-china.com/blog/gid-po-ehlektronnoj-kommercii-2024/>

⁴³ Там же.

⁴⁴ Трансграничная электронная коммерция Китая продемонстрировала уверенный рост. (2024, 30 июля). Russian.News.cn. <https://russian.news.cn/20240730/4012c09cef814eeb844cc5d1424e62cb/c.html>

⁴⁵ Mureithi, C. (2022, January 27). African diplomats are live-streaming and making deliveries to China's consumers. Quartz. <https://qz.com/africa/2117788/african-nations-bet-big-on-chinas-e-commerce-market>

⁴⁶ Expansion of global free shipping zone drives growth of cross-border e-commerce. (2024, December 3). People's Daily Online. <http://en.people.cn/n3/2024/1203/c90000-20249493.html>

⁴⁷ Данные о торговле за первые три квартала этого года говорят о решимости Китая расширять открытость. (2024, 18 октября). http://russian.china.org.cn/china/txt/2024-10/18/content_117492520.htm

Ожидается, что к началу 2025 г. зарубежный рынок розничной электронной коммерции в Китае достигнет 3 трлн долларов, при этом на зарубежную розничную электронную коммерцию будет приходиться 12,5 % от общего объема розничных продаж. Значительный размер зарубежного рынка в сочетании с низким уровнем проникновения электронной коммерции конкурентов дает Китаю уверенность в расширении своего международного бизнеса.

Искусственный интеллект

Развитие индустрии ИИ относится к числу наиболее значимых направлений развития китайской инициативы Цифрового шелкового пути по многим причинам. *Во-первых*, в ней сконцентрированы практически все развиваемые Китаем сквозные технологии. *Во-вторых*, налажено эффективное сотрудничество правительства и корпораций в части расширения географии собственных разработок. *В-третьих*, именно в сфере ИИ сосредоточены основные противоречия Китая и США, и для каждой из стран вопрос лидерства в сфере ИИ – это вопрос международного технологического лидерства в целом.

В 2023–2024 гг. индустрия ИИ в Китае показала бурный рост. Основное внимание было сосредоточено на создании больших моделей и на внедрении приложений для решения утилитарных задач.

В настоящее время КНР занимает второе место в мире после Соединенных Штатов и по количеству компаний, связанных с искусственным интеллектом, и по общему вкладу в разработку программного обеспечения, и по объему венчурного финансирования. Но при этом Китай имеет ряд несомненных преимуществ перед США, которые и старается использовать в рамках технологической экспансии в страны – реципиенты *DSR*:

- обширные базы больших данных. По состоянию на начало 2024 г. общее количество пользователей мобильных телефонов достигло 17,3 млрд, три основные телекоммуникационные компании разработали 23,3 млрд конечных пользователей сотовой связи *IoT*, число пользователей сети достигло 1,09 млрд, а уровень проникновения Интернета достиг 77,5 %. Апеллируя к богатому опыту работы с большими базами данных, Китай заметно расширяет свое присутствие во многих странах;

- внедряются образовательные программы по работе с ИИ в странах присутствия и программы поддержки молодых специалистов;

- финансируются научные разработки проблем ИИ. По состоянию на конец 2023 г. совокупное количество публикаций по исследованиям искусственного интеллекта в Китае превысило 2,4 млн (вдвое больше, чем в США).

Активное сотрудничество технологических гигантов с научными центрами заметно стимулирует развитие ИИ не только внутри страны, но и за ее пределами.

По итогам 2023 г. вклад Китая в публичные проекты искусственного интеллекта с высоким влиянием (количество веток на *GitHub* превышает 100) занимает второе место в мире, уступая только США⁴⁸. Это связано с тем, что китайские технологические компании (*Tencent, Huawei, Baidu*), а также университеты (Пекинский и Цинхуа) вложили значительные средства в сферу искусственного интеллекта, разработали ряд влиятельных проектов и активно распространяют информацию на таких платформах, как *GitHub*. Но при этом приходится признать, что Китай значительно уступает США по внедрению культуры открытого исходного кода. Именно он пока позволяет Соединенным Штатам оставаться глобальным центром научно-технических инноваций.

В то же время демонстрируемая США политика технологического сдерживания конкурентов дает Китаю возможность развить свое влияние в рамках инициативы *DSR* за счет внедрения в странах-реципиентах единых стандартов ИИ. Осознавая некоторое отставание от США в части внедрения политики открытого исходного кода, Китай старается компенсировать его посредством ведения активной международной политики. В частности, в ООН КНР представила Глобальную инициативу по управлению ИИ, направленную на решение ключевых проблем в сфере управления ИИ и содействия глобальному сотрудничеству.

⁴⁸ 2023 Глобальный индекс ИИ 2023/The Global AI Index 2023, Tortoise Media. (2024, 17 апреля). Национальный портал в сфере искусственного интеллекта. https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/2023_globalnyy_indeks_ii_2023_the_global_ai_index_2023_tortoise_media/

Первого июля 2024 г. Генеральная Ассамблея единогласно приняла резолюцию об укреплении международного сотрудничества в области наращивания потенциала искусственного интеллекта, предложенную Китаем. Ее соавторами выступили 143 государства, в том числе США⁴⁹.

Развивая концепцию безопасности ИИ, Китай идет по пути, противоположному США, и убеждает страны-реципиенты активно внедрять единые стандарты технологии с одновременным обеспечением безопасности баз данных (в том числе и через их хранение на территории Китая).

Цифровой шелковый путь: современная геополитическая риторика

Инициатива *DSR* развивается в рамках технологического противостояния КНР и США и потому отличается высокой чувствительностью к политическим, экономическим и конъюнктурным изменениям. Помимо обозначенных выше направлений, разворачивается конкуренция в области квантовых технологий. Так, США и ЕС развивают проект *Quantum Flagship*, направленный на внедрение квантовых компьютеров на основе сверхпроводниковых технологий, а Китай активно вводит квантовую оптику.

Но, помимо расширения области цифровых технологий, обе цифровые сверхдержавы сталкиваются с необходимостью разработки ясных этических и регуляторных моделей в области «цифры», что требует кардинального изменения политических практик и идеологических установок в странах-реципиентах⁵⁰.

В стремлении ограничить цифровое влияние Китая США развернули широкую кампанию против инициативы *DSR* и активно распространяют следующие стратегические нарративы:

– китайские проекты, такие как умные города и системы наблюдения, используются для усиления цифрового авторитаризма и предоставляют возможности для шпионажа⁵¹;

– Европа впадает в полную экономическую зависимость от Китая и нуждается в поддержке. Несмотря на усилия ЕС по сокращению зависимости от Китая, КНР остается крупнейшим торговым партнером ЕС, особенно в сфере телекоммуникационного оборудования и автоматизированных систем обработки данных, а это с неизбежностью влечет утрату цифровых суверенитета и идентичности (Зайцев, 2023). Для снижения зависимости от китайских проектов в рамках Цифрового шелкового пути ЕС должен искать альтернативы, сотрудничая с надежными западными партнерами и диверсифицируя свои цепочки поставок (Зайцев, 2023);

– *DSR* позволяет Китаю продвигать модель цифрового авторитарного управления, экспортируя ее в развивающиеся страны, что угрожает правам и свободам населения этих стран. В частности, Китай поставляет технологии наблюдения за гражданами в 63 страны (Erie & Streinz, 2022);

– *DSR* представляет угрозу для конфиденциальности данных: Китай использует технологическую инициативу для сбора данных и слежки. В качестве примера приводится утечка конфиденциальных данных из штаб-квартиры Африканского союза в период с 2012 по 2017 г.⁵²;

– государства – участники инициативы подвержены китайскому влиянию через внедрение китайских цифровых стандартов и технологий; это подрывает их суверенитет и дает полный контроль Китаю над их внутренними процессами (Streinz, 2021). Запад рассматривает китайский проект как вызов своему влиянию в сфере цифровой экономики. В отличие от Китая западные стратегии направлены на установление более гибких рамок сотрудничества, которые не требуют жесткой унификации, и потому страны сохраняют свою цифровую независимость;

– КНР активно инвестирует в авторитарные режимы: Пекин направил 8,43 млрд долларов в такие страны, как Ангола, Нигерия, Зимбабве, Эфиопия и Замбия, для которых характерны авторитарные режимы, усили-

⁴⁹ Генеральная Ассамблея ООН приняла предложенную Китаем резолюцию об укреплении международного сотрудничества в области наращивания потенциала ИИ. (2024, 22 июля). Российская газета. <https://rg.ru/2024/07/02/generalnaia-assambleia-oon-pri-niala-predlozhennuiu-kitaem-rezoliuciiu-ob-ukreplenii-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-oblasti-narashchivaniia-potenciala-ii.html?ysclid=m4pl45u5g874982143>

⁵⁰ Arduino, A., & Rasetti, M. The Digital Silk Road and the US-China Race for AI. GUST. <https://www.gust.edu.kw/gsc/newsletter/issue-2/digital-silk-road>

⁵¹ Maria. China's Digital Silk Road: Outlines and Implications for Europe. (2024, February). International Centre for Defence and Security. https://icds.ee/wp-content/uploads/dlm_uploads/2024/03/ICDS_Brief_China's_Digital_Silk_Road_Maria_February_2024-1.pdf

⁵² Statt, N. (2018, January 29). China denies claims it built backdoors into African Union's headquarters for spying. The Verge. <https://www.theverge.com/2018/1/29/16946802/china-african-union-spying-hq-cybersecurity-computers-backdoors-espionage>

вая их способности к контролю и подавлению населения. Озабоченность Запада вызвало принятие в сентябре 2024 г. двух стратегических документов по итогам работы Форума сотрудничества Китай – Африка: Пекинской декларации о построении всепогодного китайско-африканского сообщества⁵³ и Плана действий на 2025–2027 гг.⁵⁴ На реализацию инициатив Китай выделяет \$51 млрд в форме кредитов и инвестиций крупных технологических корпораций⁵⁵;

- обеспечивается тотальный контроль над интернет-управлением со стороны государств-союзников: развивающиеся страны предпочитают китайскую модель киберуправления, которая позволяет контролировать Интернет и использовать его для подавления и контроля населения (Ciuriak, 2021);

- создается технологическая основа для глобального кибершпионажа: формируется обеспокоенность политиков рисками утечки данных и кибершпионажа со стороны китайских компаний⁵⁶;

- возникают риски подрыва демократии: *DSR* способствует эрозии демократических прав через поддержку авторитарных практик управления и массового наблюдения, что угрожает гражданским свободам и правам человека в странах-партнерах (Taylor, 2021).

Как следствие, в Европе и других зонах влияния США получает развитие стратегия «де-рискинга»: ЕС стремится уменьшить экономическую зависимость от Китая, несмотря на значительные поставки критически важных материалов и доминирование китайских технологий на рынке ЕС.

В ответ на западную риторику Китай распространяет собственные стратегические нарративы, делая основную ставку на мирное сотрудничество и обоюдовыгодное развитие технологий.

Китай последовательно развивает концепцию «сообщества единой судьбы», идею которого в 2013 г. предложил Си Цзиньпин. Китайский нарратив гармонично встраивается в текущую международную цифровую систему, одновременно предлагая ее трансформацию. Опираясь на исторический контекст, КНР критикует колониальное прошлое западных стран, указывая на сохраняющиеся элементы эксплуатации, которые, по их мнению, необходимо искоренить. Китай выступает за создание новой модели цифрового взаимодействия, где все участники смогут в равной степени участвовать в формировании правил и получать выгоду от их реализации. При этом Китай отводит себе особую роль в этой системе, позиционируя себя как лидера, который не только инициирует создание нового цифрового сообщества, но и на практике демонстрирует преимущества такого подхода для всех вовлеченных сторон. Китайские представители выступают за переход к обновленной модели развития цифровых отношений, в рамках которой все участники смогут активно участвовать в формировании правил и, как следствие, извлекать выгоду из принимаемых решений. При этом Китай видит свою роль в этой системе как ключевую, поскольку именно он выступает инициатором создания нового цифрового сообщества. На собственном опыте Китай демонстрирует, какие преимущества и возможности открываются перед странами, которые присоединяются к этой инициативе, подчеркивая важность совместного развития и взаимовыгодного сотрудничества в цифровой сфере (Кривожиж, Соболева, 2023).

Реализуя инициативу Цифрового шелкового пути, Китай позиционирует себя как «великая держава нового – цифрового – типа», существующая в парадигмах «благожелательного пацифизма» и «мирного возвышения» (Zhang, 2024). Одной из целей Цифрового шелкового пути является формирование «Сообщества единой судьбы в киберпространстве», что можно интерпретировать как продвижение и легитимацию на глобальном уровне китайских подходов по управлению Интернетом и развитию цифровых платформ⁵⁷.

Эти идеологические установки подкрепляются Пекином в рамках реализации проектов Цифрового шелкового пути: китайское правительство и корпорации вкладывают деньги в развитие цифровой инфраструктуры

⁵³ Ministry of Foreign Affairs The People's Republic of China. (2024, September 5). Beijing Declaration on Jointly Building an All-Weather China-Africa Community with a Shared Future for the New Era. https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485993.html

⁵⁴ Ministry of Foreign Affairs The People's Republic of China. (2024, September 5). Forum on China-Africa Cooperation Beijing Action Plan (2025–2027). https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485719.html

⁵⁵ Китай выделил на сотрудничество с Африкой \$51 млрд и выдвинул десять новых инициатив в рамках сотрудничества с африканскими странами. (2024, 6 сентября). РБК. <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2024/66db19529a79470f083dab3f>

⁵⁶ Codreanu, C. (2022, June 30). Using And Exporting Digital Authoritarianism: Challenging Both Cyberspace And Democracies. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5061337>

⁵⁷ Нежданов, В. (2021, 26 июля). Цифровой шелковый путь: возможности и вызовы для постсоветской Евразии. Евразия Эксперт. <https://eurasia.expert/tsifrovoy-shelkovyy-put-vozmozhnosti-i-vyzovy-dlya-postsovetskoy-evrazii/>

стран-реципиентов, охотно внедряют собственные практики и стандарты, расширяют границы собственных сервисов, технологически привязывая государства к своей цифровой экосистеме и создавая режим невозможности выбора альтернативного пути.

Глубокая погруженность корпораций КНР в цифровую повестку суверенных стран и невозможность в силу технологических и экономических причин избавиться от китайского влияния являются для многих государств сдерживающим фактором для развития двусторонних отношений с КНР в рамках *DSR*.

Цифровой шелковый путь: современная геополитическая риторика

Главная задача России в рамках реализации Китаем инициативы *DSR* заключается в ее совмещении с проектами по цифровизации ЕАЭС.

Еще в 2015 г. Президент России поддержал инициативу «Один пояс, один путь» и предложил разработать планы сопряжения разнообразных интеграционных процессов, идущих в Европе и Азии, на основе универсальных принципов и норм ВТО.

Россия ориентирована на сохранение своего геополитического лидерства в странах ЕАЭС, но в то же время заинтересована в укреплении долгосрочного стратегического партнерства с Китаем, особенно в условиях обострившегося противостояния с Западом. В этой части велик риск уступки части своего влияния через поддержку китайских инфраструктурных проектов в странах Центральной Азии и Закавказья.

Влияние Китая в странах ЕАЭС ослаблено активной политикой США и ЕС в этих регионах. В 2015–2020 гг. доноры через целевые программы Всемирного банка, ОБСЕ и ОЭСР запустили в Киргизии, Казахстане и Армении проекты по развитию государственных цифровых услуг, внедрению систем цифрового мониторинга и контроля. Поддержка этих систем западными донорами препятствует широкомасштабной работе китайских корпораций, но не останавливает ее.

Ожидания Китая от взаимодействия с Россией сводятся к возможности через использование ее влияния в регионе способствовать развитию китайских цифровых сервисов. При этом китайские партнеры не хотят изменять свою риторику «великой цифровой державы» и рассматривать Россию как полноправного стратегического партнера в данной сфере. Об этом, в частности, свидетельствует слабая заинтересованность китайских технологических компаний в реализации совместных с российскими компаниями цифровых программ на паритетных началах в рамках ранее обозначенных приоритетных направлений инициативы *DSR*.

Ключевые задачи России в данном направлении сотрудничества российских и китайских компаний – в рамках следующих векторов:

- развитие сетей связи: Россия и Китай могут совместно инвестировать в создание оптоволоконных линий и 5G-сетей в странах ЕАЭС, что улучшит связь и доступ к Интернету;
- создание совместных дата-центров для хранения и обработки данных, что будет способствовать развитию облачных технологий в регионе. Однако, для того чтобы Россия в этом направлении воспринималась как полноправный партнер, важно, чтобы она рассматривалась как лидер во внедрении единых цифровых стандартов в регионе;
- важно развивать совместные российско-китайские проекты электронной торговли, которые позволят малым и средним предприятиям из постсоветских стран выходить на китайский рынок и наоборот;
- создание совместных программ логистики и доставки: разработка логистических решений, включая совместные цифровые склады и транспортные маршруты для упрощения доставки товаров;
- внедрение единых цифровых финансовых коридоров и цифровых платежей; выстраивание коридоров бивалютных платежей с использованием цифрового юаня и цифрового рубля, а равно разработка новых моделей мобильных кошельков и совместных цифровых финансовых активов;
- создание совместных центров по мониторингу киберугроз в регионе с подключением российских и китайских технологических компаний;
- углубление сотрудничества между университетами и научными учреждениями для подготовки специалистов в области ИТ.

Многие из заданных направлений уже реализуются (совместные программы по развитию электронной торговли, открытие Центром Касперского своего отделения в Китае по вопросам кибербезопасности), но их явно недостаточно для того, чтобы говорить о системном и равноправном сотрудничестве.

Выводы

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Инициатива Цифрового шелкового пути направлена на укрепление геополитических позиций Китая и его технологическое лидерство через продвижение глобальной интеграции на принципах открытости, взаимопомощи и сотрудничества, а также через утверждение нарративов, которые ставят под сомнение доминирование США и доллара в открытой цифровой экономике. Пекин акцентирует внимание на популяризации своего опыта цифрового управления, решая задачу по формированию новой бизнес-среды, ориентированной как на устранение внутренних цифровых дисбалансов, так и на продвижение китайских технологий за рубеж.

Главный ориентир китайской цифровой стратегии – не сквозные технологии, а созданные на их основе бизнес-площадки, готовые для пилотирования государственных и частных проектов в странах-реципиентах.

Основными инструментами реализации инициативы Цифрового шелкового пути являются: установление единых технологических стандартов, ориентированных на китайскую цифровую экономику и инфраструктуру; формирование норм киберуправления через развитие так называемой концепции киберсуверенитета с «китайской спецификой»; развитие инициативы преимущественно в рамках двусторонних соглашений.

В условиях активного технологического и торгового противостояния США и Китая последний заинтересован в расширении своего влияния на Евразийском континенте, и прежде всего в странах постсоветского пространства. Однако, судя по его сдержанной политике в этом регионе, он настороженно относится к идее паритетного сотрудничества с Россией в цифровой сфере.

Ключевыми достоинствами России для Китая являются ее исторически обусловленное геополитическое лидерство на постсоветском пространстве и особое географическое положение. Будучи заинтересованным в укреплении своего влияния в странах ЕАЭС и в иных странах на маршрутах Цифрового шелкового пути, Пекин понимает, что без поддержки России он не сможет реализовать свои планы по укреплению лидерства на сухопутной части инициативы «Один пояс, один путь». Это направление становится особенно важным в условиях обострения цифрового и торгового противостояния КНР и США на маршрутах «Морского шелкового пути XXI века».

Декларируемая Пекином ориентация на долгосрочное паритетное сотрудничество может быть обеспечена, только если Россия продолжит демонстрировать свое геополитическое лидерство во всех странах ЕАЭС, а также в Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане, создавать единые транспортные коридоры и цифровые экосистемы стран постсоветского пространства, если иницирует на площадке ЕАЭС выработку особых цифровых стандартов и их внедрение в совместные программы технологических компаний, если будет последовательно поддерживать свои технологические корпорации в регионах влияния.

Геополитическая риторика Китая в других странах убеждает в том, что в отношении России эффективной будет следующая стратегия: чем больше Российская Федерация будет демонстрировать свою технологическую независимость и цифровые амбиции на постсоветском пространстве и чем больше она будет ориентирована на развитие пророссийских нарративов в рамках ЕАЭС, тем большую ценность она будет представлять для Китая в рамках реализации его инициативы Цифрового шелкового пути.

В этом контексте смещение приоритетов в направлении БРИКС+ при несомненных геополитических преимуществах этой политики имеет и существенный недостаток: внимание смещается с России как ключевого актора развития ЕАЭС на Китай как лидера цифрового рынка БРИКС+. Для КНР развитие цифровой повестки БРИКС – возможность закрепить свое превосходство в странах-реципиентах, а для России – снижение возможностей ее цифрового влияния в Центральной Азии и Закавказье.

Приоритетными направлениями России в рамках ЕАЭС должны стать поддержка отечественных технологических компаний на зарубежных рынках, создание совместных предприятий, альянсов, партнерств, развитие аутсорсинговых отношений. Важно использовать также стратегии слияния и поглощения предприятий (M&A): вхождение в капитал крупнейших промышленных корпораций с покупкой больших пакетов акций, поглощение цифровых стартапов в странах присутствия для более глубокого проникновения на внутренние цифровые рынки Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Армении, Таджикистана, Туркменистана и др.

Уровень развития российско-китайских проектов убеждает в том, что единое понимание стратегии слияния интересов в цифровой сфере отсутствует. Сотрудничество происходит часто по инициативе отдельных российских и китайских компаний и носит стихийный и точечный характер. Без системного планирования сотрудничества и активной вовлеченности цифровых корпораций паритетное взаимодействие России и Китая вряд ли достижимо.

Список литературы

Виноградов, А. О., Салицкий, А. И., Семенова, Н. К. (2019). Американско-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 19(1), 35–46. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46>

Выходец, Р. С. (2022). Стратегия Китая в области искусственного интеллекта. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 16(2), 140–147. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-140-147>

Данилин, И. В. (2020). Американско-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора. *Сравнительная политика*, 11(4), 160–176.

Дегтерев, Д. А., Пискунов, Д. А., Еремин, А. А. (2023). 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга. *Полис. Политические исследования*, 3, 20–38. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.03>

Дейч, Т. Л. (2018). Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 11(5), 119–141. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141>

Зайцев, С. Ю. (2022). Направления взаимодействия цифровых корпораций и государства в политической сфере России. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 18(1), 56–71. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.104>

Зайцев, С. Ю. (2023). Политическая власть цифровых транснациональных корпораций: к проблеме исследования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*, 10(1), 116–129. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-116-129>

Кравченко, С. А. (2024). Синергия сложности как императивный принцип организации власти в цифровую эпоху: новые вызовы человеческому капиталу. *Полис. Политические исследования*, 2, 65–79. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.06>

Кривохиж, С. В., Соболева, Е. Д. (2023). КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов. *Вестник международных организаций*, 18(2), 178–192 (на русском и английском языках). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-02-09>

Куликова, Н. Н. (2016). Модель межорганизационных взаимоотношений в электронной промышленности. *Проблемы современной экономики*, 2, 98–101. EDN: WONXVL

Михайличенко, К. М. (2018). Роль Африки в инициативе Китайской Народной Республики «Один Пояс и Один Путь». *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 20(1), 60–68. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-1-60-68>

Поздняков, Е. И. (2020). «Сеть голубых точек» как инструмент конкуренции между Австралией и КНР в Южнотихоокеанском регионе. *Norwegian Journal of development of the International Science*, 39, 50–53.

Сидоренко, Э. Л. (2024). Сращивание интересов правительств и западных монополий в сфере ИКТ: современные геополитические модели. *Полис. Политические исследования*, 6, 22–39. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.03>

Сочжу, Х. (2022). Отношения Китая и Южной Кореи: роль американского фактора. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*, 24(2), 73–84. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/73-84>

Срничек, Н. (2019). *Капитализм платформ* (пер. с англ.). Москва: Изд. дом ВШЭ.

Темирбулатов, Т. (2013). Транснациональные корпорации и геополитические стратегии США в Каспийском регионе. *Власть*, 12, 81–83. EDN: RSCXSV.

Томин, Л. В. (2019). Отношения государств и корпораций в эпоху «капитализма платформ». *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 15(4), 483–496. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.403>

Федоров, А. В., Зиновьева, Е. С. (2017). *Информационная безопасность: политическая теория и дипломатическая практика*. Москва: МГИМО-Университет.

Хомский, Н. (2002). *Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок*. Москва: Праксис.

Чжиян Линь. (2022). Сотрудничество Китая и АСЕАН: перспективы и дилеммы. *Terra Incognita*, 19, 139–158.

Buzan, B. (2004). *From International to World Society?: English School Theory and the Social Structure of Globalisation*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511616617>

Cheng, Guo. (2022). China's Digital Silk Road in the age of the digital economy: Political analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(2), 271–287. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-271-287>

Ciuriak, D. (2021, November 9). *Unfree Flow with No Trust: The Implications of Geoeconomics and Geopolitics for Data and Digital Trade*. Project for Peaceful Competition, The Policy Institute, King's College London, 6 December 2021; and Centre for International Governance Innovation, 14 February 2022. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3963074>

Creemers, R. (2021, January 31). *China's Long and Winding Road in Global Cyberspace: Great Power Relationships or Common Destiny?* <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3776814>

- Duarte, L. Albro, R., & Hershberg, E. (2022, February 1). Communicating Influence: China's Messaging in Latin America and the Caribbean. *CLALS Working Paper Series*, 35. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4061082>
- Erie, M. S., & Streinz, Th. (2021). The Beijing Effect: China's 'Digital Silk Road' as Transnational Data Governance. *New York University Journal of International Law and Politics (JILP)*, 54, 1. <https://ssrn.com/abstract=3810256>
- Farrell, H., & Newman, A. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, 44(1), 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Ghiasi, R., & Krishnamurthy, R. (2020). *China's Digital Silk Road – Strategic Implications*. Institute of Peace and Conflict Studies (IPCS) and the Leiden Asia Centre (LAC).
- Gong, S. & Li, B. (2019). The Digital Silk Road and the Sustainable Development Goals. *IDS Bulletin*, 50(4). <https://doi.org/10.19088/1968-2019.137>
- Huadong Guo, Jie Liu, Yubao Qiu, Massimo Menenti, Fang Chen, Paul F. Uhler, Li Zhang, John van Genderen, Dong Liang, Ishwaran Natarajan, Lanwei Zhu, & Jiuliang Liu. (2018). The Digital Belt and Road program in support of regional sustainability. *International Journal of Digital Earth*, 11(7), 657–669. <https://doi.org/10.1080/17538947.2018.1471790>
- Jing Cheng, Zeng Jinghan. (2024). "Digital silk road" as a slogan instead of a grand strategy. *Journal of Contemporary China*, 33(149), 823–838.
- Krause, K. (1995). *Arms and the state: patterns of military production and trade (No. 22)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nye, J. S. (2010). *The Future of Power*. New York: Public Affairs.
- Peng, Shin-yi. (2021, October 1). The Uneasy Interplay between Digital Inequality and International Economic Law. *European Journal of International Law*, 33(1), 205–235 (2022). <https://doi.org/10.1093/ejil/chac019>
- Rahman, K. S., & Thelen, K. (2019). The rise of the platform business model and the transformation of twenty-first-century capitalism. *Politics & Society*, 47(2), 177–204. <https://doi.org/10.1177/0032329219838932>
- Rosecrance, R. (1986). *The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*. New York: Basic Books.
- Sahakyan, Mh., & Gärtner, H. (2022). *China and Eurasia: Rethinking Cooperation and Contradictions in the Era of Changing World Order*. Routledge. <https://ssrn.com/abstract=4339053>
- Slaughter, A.-M. (2009). *A New World Order*. Princeton University Press.
- Streinz, T. (2021). Designing International Economic Data Law. *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, 115(2021), 73–78. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4079058>
- Taylor, R. D. (2021, August 1). Telecom's Road to 2030: 'What If We Were to Do Nothing?' *TPRC49: The 49th Research Conference on Communication, Information and Internet Policy*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3897409>
- Vernengo, M., & Caldentey, E. (2016). Raúl Prebisch and economic dynamics: Cyclical growth and centre-periphery interaction. *CEPAL Review*, 2016(118), 9–24. <https://doi.org/10.18356/521ccb95-en>
- Yang, X. A., Yan, Xuetong. (2020). Leadership and the Rise of Great Powers. *Journal of Chinese Political Science*, 25, 161–163. <https://doi.org/10.1007/s11366-019-09644-9>
- Zhang, F. The Rise of Chinese Exceptionalism in International Relations. *European Journal of International Relations*, 19(2), 305–328. <https://doi.org/10.1177/1354066111421038>
- Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: Public Affairs.

References

- Buzan, B. (2004). *From International to World Society?: English School Theory and the Social Structure of Globalisation*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511616617>
- Cheng, Guo. (2022). China's Digital Silk Road in the age of the digital economy: Political analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(2), 271–287. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-271-287>
- Ciuriak, D. (2021, November 9). *Unfree Flow with No Trust: The Implications of Geoeconomics and Geopolitics for Data and Digital Trade*. Project for Peaceful Competition, The Policy Institute, King's College London, 6 December 2021; and Centre for International Governance Innovation, 14 February 2022. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3963074>
- Creemers, R. (2021, January 31). *China's Long and Winding Road in Global Cyberspace: Great Power Relationships or Common Destiny?* <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3776814>
- Danilin, I. V. (2020). The U.S.-China Technology War: Risks and Opportunities for P.R.C. and Global Tech Sector. *Comparative Politics Russia*, 11(4), 160–176. (In Russ.).
- Degterev, D. A., Piskunov, D. A., & Eremin, A. A. (2023). U.S. – China rivalry in Latin America: at the origins of technological decoupling. *Polis. Political Studies*, 3. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.03>
- Deych, T. L. (2018). China in Africa: Neo-Colonial Power or "Win-Win" Strategy? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 11(5), 119–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141>
- Duarte, L. Albro, R., & Hershberg, E. (2022, February 1). Communicating Influence: China's Messaging in Latin America and the Caribbean. *CLALS Working Paper Series*, 35. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4061082>

- Erie, M. S., & Streinz, Th. (2021). The Beijing Effect: China's 'Digital Silk Road' as Transnational Data Governance. *New York University Journal of International Law and Politics (JILP)*, 54, 1. <https://ssrn.com/abstract=3810256>
- Farrell, H., & Newman, A. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*, 44(1), 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
- Fyodorov, A. V., & Zinovyeva, E. S. (2017). *Information security: political theory and diplomatic practice*. Moscow: Moscow State Institute of International Relations. (In Russ.).
- Ghiasi, R., & Krishnamurthy, R. (2020). *China's Digital Silk Road – Strategic Implications*. Institute of Peace and Conflict Studies (IPCS) and the Leiden Asia Centre (LAC).
- Gong, S. & Li, B. (2019). The Digital Silk Road and the Sustainable Development Goals. *IDS Bulletin*, 50(4). <https://doi.org/10.19088/1968-2019.137>
- Huadong Guo, Jie Liu, Yubao Qiu, Massimo Menenti, Fang Chen, Paul F. Uhler, Li Zhang, John van Genderen, Dong Liang, Ishwaran Natarajan, Lanwei Zhu, & Jiuliang Liu. (2018). The Digital Belt and Road program in support of regional sustainability. *International Journal of Digital Earth*, 11(7), 657–669. <https://doi.org/10.1080/17538947.2018.1471790>
- Jing Cheng, Zeng Jinghan. (2024). “Digital silk road” as a slogan instead of a grand strategy. *Journal of Contemporary China*, 33(149), 823–838.
- Chomsky, N. (2002). *Profit over People: Neoliberalism and Global Order*. Moscow: Praktis. (In Russ.).
- Krause, K. (1995). *Arms and the state: patterns of military production and trade (No. 22)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Krivokhizh, S., & Soboleva, E. (2023). Strategic Narratives in China's Bid for Discursive Hegemony. *International Organisations Research Journal*, 18(2), 178–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-02-09>
- Kulikova, N. N. (2016). The model of inter-organizational interactions in the electronic industry. *Problems of Modern Economics*, 2, 98–101. (In Russ.).
- Lin, Zhiyang. (2022). Cooperation between China and Association of South-East Asian Nations (ASEAN): Prospects and Dilemmas. *Terra Incognita*, 19, 139–158. (In Russ.).
- Mikhaylichenko, Ch. M. (2018). Africa's Role in Chinese People's Republic Initiative “One Belt and One Road”. *RUDN Journal of Political Science*, 20(1), 60–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-1-60-68>
- Nye, J. S. (2010). *The Future of Power*. New York: Public Affairs.
- Peng, Shin-yi. (2021, October 1). The Uneasy Interplay between Digital Inequality and International Economic Law. *European Journal of International Law*, 33(1), 205–235 (2022). <https://doi.org/10.1093/ejil/chac019>
- Pozdnyakov, E. (2020). “Blue Dot Network” As An Instrument Of Competition Between Australia And The Prc In The South-Pacific Ocean Region. *Norwegian Journal of development of the International Science*, 39, 50–53. (In Russ.).
- Rahman, K. S., & Thelen, K. (2019). The rise of the platform business model and the transformation of twenty-first-century capitalism. *Politics & Society*, 47(2), 177–204. <https://doi.org/10.1177/0032329219838932>
- Rosecrance, R. (1986). *The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*. New York: Basic Books.
- Sahakyan, Mh., & Gärtner, H. (2022). *China and Eurasia: Rethinking Cooperation and Contradictions in the Era of Changing World Order*. Routledge. <https://ssrn.com/abstract=4339053>
- Sidorenko, E. L. (2024). Merging the interests of governments and Western monopolies in the field of ICT: modern geopolitical models. *Polis. Political Studies*, 6. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.03>
- Slaughter, A.-M. (2009). *A New World Order*. Princeton University Press.
- Srnicek, N. (2019). *Platform Capitalism*. Moscow: VSE Publisher House. (In Russ.).
- Streinz, T. (2021). Designing International Economic Data Law. *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, 115(2021), 73–78. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4079058>
- Suozhu, H. (2022). Relations between China and South Korea: the role of the American factor. *Pacific RIM: Economics, Politics, Law*, 24(2), 73–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/73-84>
- Taylor, R. D. (2021, August 1). Telecom's Road to 2030: 'What If We Were to Do Nothing?' *TPRC49: The 49th Research Conference on Communication, Information and Internet Policy*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3897409>
- Temirbulatov, A. (2013). Transnational corporations and US geopolitical strategies in the Caspian Sea region. *The Authority*, 12, 81–83. (In Russ.).
- Tomin, L. (2020). The Relationship of the State and Corporations in the Age of “Platform Capitalism”. *Political Expertise: POLITEX*, 15(4), 483–496. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.403>
- Vernengo, M., & Caldente, E. (2016). Raúl Prebisch and economic dynamics: Cyclical growth and centre-periphery interaction. *CEPAL Review*, 2016(118), 9–24. <https://doi.org/10.18356/521ccb95-en>
- Vinogradov, A. O., Salitsky, A. I., & Semenova, N. K. (2019). US-China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(1), 35–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46>
- Vykhodets, R. S. (2022). China's AI Strategy. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 16(2), 140–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-140-147>
- Yang, X. A., Yan, Xuetong. (2020). Leadership and the Rise of Great Powers. *Journal of Chinese Political Science*, 25, 161–163. <https://doi.org/10.1007/s11366-019-09644-9>

- Zaitsev, S. (2022). Areas of interaction between digital corporations and the government in the political sphere of Russia. *Political Expertise: POLITEX*, 18(1), 56–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.104>
- Zaytsev, S. Y. (2023). Political Power of Digital Transnational Corporations: To the Problem of Research. *RUDN Journal of Public Administration*, 10(1), 116–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-1-116-129>
- Zhang, F. The Rise of Chinese Exceptionalism in International Relations. *European Journal of International Relations*, 19(2), 305–328. <https://doi.org/10.1177/1354066111421038>
- Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: Public Affairs.
-

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 20.12.2024
Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 10.02.2025
Дата принятия в печать / Accepted 10.02.2025